МРНТИ 11.15.25 | Научная статья

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ АКИМАТОВ АЛМАТЫ И АСТАНЫ

Б.С.Бухарбаев

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется, как акиматы Алматы и Астаны выстраивают инструменты поддержки креативных индустрий в условиях неполной децентрализации. Проблема связана с разрывом между национальной целью удвоить вклад креативного сектора в ВВП к 2029 году и ограниченной бюджетной самостоятельностью городов. Теоретической рамкой служит концепция метауправления, в которой акимат рассматривается как институциональный посредник между государственной вертикалью, бизнесом, университетами и культурными организациями. Цель работы состоит в объяснении различий в институциональной плотности креативной политики двух крупнейших городов страны. Эмпирическую базу составили планы развития городов, нормативные акты, бюджетные материалы и ряды Бюро национальной статистики за 2018–2024 годы. Применены структурированное сравнение кейсов, анализ документов с открытой кодовой книгой и диагностический индекс IMKC. В 2024 году на Алматы и Астану пришлось 76,6% креативной валовой добавленной стоимости страны, причем Астана специализирована на креативном секторе сильнее (коэффициент локализации 3,0 против 1,9). Индекс IMKC составил 5,0 для Алматы и 3,0 для Астаны. В 2021 году, когда Алматы создавал профильное управление и закладывал в план индикатор, фонд и хабы, креативный сектор Астаны был крупнее. Гипотеза о прямой зависимости институциональной плотности от экономического веса сектора поэтому не подтверждается. Различие определяется управленческим выбором акимата и распределением ролей между городом и республиканскими органами, сосредоточенными в столице. Новизна работы заключается в операционализации функций городского метауправления для постсоветского города и в диагностическом инструменте их сравнения.

Ключевые слова: креативные индустрии, городская политика, метауправление, акимат, институциональный посредник, Алматы, Астана, неполная децентрализация.

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Автор-корреспондент:
Б.С. Бухарбаев,
teriskakpai@gmail.com

Цитирование:
Бухарбаев Б.С. Креативные индустрии и городская политика в Казахстане: институциональные инструменты акиматов Алматы и Астаны // Адам әлемі.
– 2026. – Т. 28. – №4(110).
– С. 110-120.
– DOI: 10.48010/97ehhx92

Открытый доступ
© Автор(ы), 2026
Это статья открытого доступа, распространяемая в соответствии с условиями международной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Поступила: 30/07/2026
Принята: 15/09/2026
Опубликована онлайн: 30/10/2026

Қазақстандағы креативті индустриялар және қалалық саясат: Алматы мен Астана әкімдіктерінің институционалдық құралдары

Аңдатпа. Мақалада Алматы және Астана әкімдіктерінің толық емес орталықсыздандыру жағдайында креативті индустрияларды қолдау құралдарын қалай қалыптастыратыны зерттеледі. Мәселе креативті сектордың ЖІӨ-дегі үлесін 2029 жылға қарай екі есе арттыру жөніндегі ұлттық мақсат пен қалалардың шектеулі бюджеттік дербестігі арасындағы алшақтыққа байланысты. Теориялық негіз ретінде метабасқару тұжырымдамасы алынды, онда әкімдік мемлекеттік вертикаль, бизнес, университеттер және мәдени ұйымдар арасындағы институционалдық делдал ретінде қарастырылады. Жұмыстың мақсаты елдің ең ірі екі қаласындағы креативті саясаттың институционалдық тығыздығындағы айырмашылықтарды түсіндіру болып табылады. Эмпирикалық базаны қалалардың даму жоспарлары, нормативтік құқықтық актілер, бюджеттік материалдар және Ұлттық статистика бюросының 2018–2024 жылдардағы деректері құрады. Жағдайларды құрылымдық салыстыру, ашық кодтау кітабы бар құжаттық талдау және IMKC диагностикалық индексі қолданылды. 2024 жылы елдің креативті жалпы қосылған құнының 76,6%-ы Алматы мен Астанаға тиесілі болды, бұл ретте Астана креативті секторға күштірек мамандандырылған (оқшаулау коэффициенті Астанада 3,0, Алматыда 1,9). IMKC индексі Алматы үшін 5,0, Астана үшін 3,0 болды. 2021 жылы Алматы бейінді басқарма құрып, жоспарға индикаторды, қорды және хабтарды енгізген кезде Астананың креативті секторы ірірек болды. Сондықтан институционалдық тығыздықтың сектордың экономикалық салмағына тікелей тәуелділігі туралы гипотеза расталмайды. Айырмашылық әкімдіктің басқарушылық таңдауымен және қала мен астанада шоғырланған республикалық органдар арасындағы рөлдердің бөлінуімен айқындалады. Жұмыстың жаңалығы посткеңестік

қала үшін қалалық метабасқару функцияларын операционализациялауда және оларды салыстыруға арналған диагностикалық құралда.

Түйін сөздер: креативті индустриялар, қалалық саясат, метабасқару, әкімдік, институционалдық делдал, Алматы, Астана, толық емес орталықсыздандыру.

Creative Industries and Urban Policy in Kazakhstan:
Institutional Instruments of the Almaty and Astana Akimats

Abstract. The article examines how the akimats of Almaty and Astana build instruments to support creative industries under incomplete decentralization. The problem lies in the gap between the national goal of doubling the creative sector's contribution to GDP by 2029 and the limited fiscal autonomy of cities. The theoretical framework is metagovernance, in which the akimat is treated as an institutional intermediary between the state hierarchy, business, universities and cultural organizations. The aim is to explain differences in the institutional density of creative policy in the country's two largest cities. The empirical base includes city development plans, legal acts, budget materials and Bureau of National Statistics series for 2018–2024. The study combines a structured comparison of cases, document analysis with an open codebook and the diagnostic IMKC index. In 2024, Almaty and Astana accounted for 76.6% of the country's creative gross value added, while Astana is more specialized in the creative sector (location quotient 3.0 against 1.9). The IMKC index equals 5.0 for Almaty and 3.0 for Astana. In 2021, when Almaty created a dedicated department and wrote an indicator, a fund and hubs into its plan, Astana's creative sector was larger. The hypothesis that institutional density directly follows the economic weight of the sector is therefore not supported. The difference stems from the akimat's managerial choice and from the division of roles between the city and the national bodies concentrated in the capital. The novelty lies in operationalizing the functions of urban metagovernance for a post-Soviet city and in a diagnostic tool for comparing them.

Keywords: Creative Industries, Urban Policy, Metagovernance, Akimat, Institutional Intermediary, Almaty, Astana, Incomplete Decentralization.

Введение

Креативные индустрии стали частью экономической повестки государства. На заседании Правительства 18 марта 2025 года поставлена задача увеличить долю креативной валовой добавленной стоимости в ВВП примерно с 1% до 2% к 2029 году [1]. Стратегическую рамку сектора задала Концепция развития креативных индустрий на 2021–2025 годы [2]. Перечень видов креативной деятельности утвержден постановлением Правительства от 6 июня 2023 года № 448, а с ноября 2025 года действует обновленный перечень, утвержденный приказом Министра культуры и информации № 572-НҚ [3; 4]. Закон от 18 февраля 2026 года № 266-VIII ЗРК закрепил понятия креативных индустрий и их субъектов, ввел реестр субъектов и наделил местные исполнительные органы полномочием создавать условия для развития предпринимательства в этой сфере [5].

В 2024 году на Алматы и Астану пришлось 76,6% креативной валовой добавленной стоимости страны [6]. Самостоятельность городской власти при этом ограничена, поскольку финансовая зависимость от республиканского уровня и вертикальная подотчетность сохраняются [7; 8]. Исследования культурной политики Алматы и Астаны подчеркивают, что развитие креативной среды здесь направлялось сверху [9; 10]. Относительно слабо изученным остается вопрос о том, почему крупнейшие города одной страны, действуя в общей правовой рамке, выстраивают инструменты креативной политики разной плотности. Ответ важен и для регионов, где по поручению Главы государства должны появиться центры креативной индустрии в каждом областном центре и крупном городе [11].

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: почему при сопоставимом экономическом весе креативного сектора акиматы Алматы и Астаны выстроили контуры поддержки разной институциональной плотности? Цель работы состоит в объяснении этого различия через функции городского метауправления. Проверяются конкурирующие гипотезы. Согласно первой, институциональная плотность следует за экономическим весом сектора. Согласно второй, она определяется управленческим выбором акимата и распределением ролей между городом и республиканскими органами. Вторая гипотеза была бы опровергнута, если бы в период институционального выбора, то есть в 2020–2021 годах, Алматы уже превосходил Астану по объему креативного сектора. Вклад статьи состоит в операционализации функций городского метауправления для постсоветского города, в открытой кодовой книге диагностического индекса IMKC и в эмпирическом разграничении экономического веса сектора и институциональной плотности политики.

Методология

Исследование построено как структурированное сравнение двух кейсов, подобранных по принципу наиболее похожих систем. Алматы и Астана относятся к высшему уровню административно-территориального деления наравне с областями, действуют в одной правовой и бюджетной рамке, концентрируют основную часть креативной экономики и при этом различаются набором инструментов. Сравнение дополнено отслеживанием последовательности событий внутри каждого кейса, что позволяет проверить, предшествовал ли рост сектора созданию инструментов.

Документальную базу составили план развития Алматы на 2021–2025 годы в редакции решения маслихата от 9 декабря 2022 года № 192 [12], планы развития Астаны на 2021–2025 и 2026–2030 годы [13; 14], решение маслихата Алматы о бюджете на 2025–2027 годы [15], нормативные акты о креативных индустриях, официальные сообщения и материалы деловых изданий. Данные администраций о числе мероприятий и туристов рассматриваются как самоотчет и используются только для описания масштаба.

Количественная часть опирается на динамические таблицы Бюро национальной статистики о валовой добавленной стоимости креативных видов деятельности [6]. За 2018–2024 годы показатель рассчитан по перечню № 448, а с 2025 года по новому перечню, поэтому анализ ограничен сопоставимым рядом 2018–2024 годов. Специализация городов оценена через коэффициент локализации, равный отношению доли креативной добавленной стоимости в валовом региональном продукте города к той же доле в ВВП страны [16]. Блок информационных технологий включает всю разработку программного обеспечения (ОКЭД 62.01.1), поэтому креативная добавленная стоимость крупных городов во многом зависит от динамики ИТ-отрасли.

Инструменты городской политики сопоставлены с помощью диагностического индекса муниципальной креативной кластеризации IMKC (от англ. Index of Municipal Creative Clustering). Единицей учета выступает инструмент городской политики, направленный на развитие креативного сектора. Индекс складывается из признаков стратегического закрепления (S), инфраструктуры (I), специализированного оператора (O), финансовых инструментов (F) и рыночно-событийной медиации (M), то есть IMKC = S + I + O + F + M. Каждый признак оценивается значениями 0, 0,5 или 1 по открытой кодовой книге.

Признак S получает 1, если план развития содержит отдельную цель по креативным индустриям с количественным индикатором и финансированием, 0,5, если сектор назван приоритетным без индикатора, и 0, если сектор в плане не упомянут. Признак I получает 1 при наличии созданных или модернизированных городом объектов для креативной деятельности, 0,5, если такие объекты созданы республиканскими органами или университетами при участии города, и 0 при их отсутствии. Признак O получает 1, если город учредил организацию с мандатом координировать сектор и выделил на нее средства, 0,5, если координацию ведут площадки других учредителей, и 0, если их нет. Признак F получает 1 при наличии отдельной бюджетной программы или городского фонда для креативного сектора, 0,5 при разовых городских грантах и конкурсах для креативных проектов и 0 при отсутствии инструментов. Признак M получает 1, если город регулярно проводит или поддерживает форумы, фестивали и выставки с участием креативного бизнеса, 0,5 при разовых мероприятиях и 0 при их отсутствии. Каждая оценка подтверждена документом, указанным в примечании к таблице 2. Индекс служит диагностическим инструментом для сравнения городов внутри одной национальной среды. Кодирование выполнено одним исследователем, поэтому устойчивость итогового разрыва к спорным оценкам проверена отдельно.

Основная часть

Теоретическая рамка: метауправление и институциональный посредник

Кластерный подход связывает устойчивость креативной агломерации с координацией, институциональной поддержкой и обменом знаниями между производителями [17]. В постсоциалистических городах перенос западных моделей ограничен наследием централизованного планирования, неформальными сетями и слабостью местных ресурсов [18]. Кластеры в крупных

городах России и Казахстана закрепляются прежде всего в стратегиях и нормативных актах, а их наполнение зависит от решений конкретных администраций [19]. В Казахстане культурная среда Алматы и Астаны развивалась через государственные решения и крупные проекты [9], а ядром креативной экосистемы новой столицы стали университеты и культурные учреждения, созданные в рамках государственной стратегии [10].

Казахстанские исследования креативных индустрий сосредоточены на предпринимателях и государственных программах. Интервью с 84 представителями креативных профессий выявили проблемы финансирования, профессиональных сетей и доступа к технологиям [20]. Среди 34 опрошенных предпринимателей 65% развивали бизнес на собственные средства и указывали на недостаток государственной поддержки и кадров [21]. Анализ нормативной базы зафиксировал фрагментарность институционального обеспечения сектора [22]. Город в этих работах присутствует главным образом как место действия.

Исследования местного управления описывают условия, в которых действует городская власть. Казахстанская децентрализация продвигается по собственной траектории, где формализация механизмов участия опережает расширение финансовой самостоятельности [23]. Сельские акимы получили право формировать бюджет из местных доходов, но по-прежнему зависят от вышестоящего уровня [24], а прямые выборы сельских акимов рассматриваются как проверка того, способна ли демократизация, запущенная сверху, дать ожидаемые результаты [25]. По данным за 2023 год, трансферты составляли более 78% местных бюджетов, тогда как в бюджете Алматы их доля была 39,1% [8]. Алматы, следовательно, располагает большей финансовой свободой, чем регионы, и при этом действует в рамках республиканских приоритетов.

Для описания роли города в указанной среде применимы разные теории. Концепция городского предпринимательства описывает переход администраций от распределения услуг к конкуренции за капитал и события [26]. Теория сборки рассматривает город как изменчивое соединение людей, объектов и практик [27]. Исследования мобильности политик описывают, как модели вроде креативного кластера переходят между городами через консультантов и форумы [28]. Каждая линия объясняет часть казахстанской картины, однако все они исходят из значительной самостоятельности города и потому недооценивают роль вертикали.

Точнее казахстанский кейс описывает концепция метауправления. Под метауправлением понимается организация условий, в которых действуют сети и рынки, то есть выбор правил, ресурсов, площадок и смыслов, внутри которых другие участники принимают решения [29]. Метауправляющий орган может действовать дистанционно, через рамки и нарративы, или непосредственно, через финансирование и участие в сети [30]. Городское метауправление осуществляется в тени иерархии, под контролем вышестоящего уровня власти [31], а политические решения задают устройство предпринимательских экосистем и в развивающихся странах [32]. В этой рамке акимат выступает институциональным посредником, который не обладает полной автономией, однако выбирает инструменты, превращающие национальные приоритеты в городскую среду для креативной деятельности.

Деятельность посредника операционализирована через функции. Агрегирование ресурсов означает сведение бюджетных средств, муниципальной инфраструктуры, частного и иностранного капитала в общий организационный контур. Перевод целей означает превращение национальных приоритетов в городские индикаторы, программы и пространственные решения. Медиация интересов означает создание устойчивых каналов между государственными органами, университетами, культурными организациями и предпринимателями. Понятия разведены по уровням. Акимат является актором, метауправление описывает процесс, а городская креативная экосистема выступает результатом. Институциональная плотность характеризует процесс и измеряет число зрелых, формально закрепленных инструментов, которыми пользуется акимат.

Концентрация и специализация креативной экономики

За 2018–2024 годы креативная добавленная стоимость Казахстана выросла с 594,5 млрд до 1 548,3 млрд тенге, то есть на 160,4% в номинальном выражении [6]. В Алматы показатель увеличился со 183,2 млрд

до 669,8 млрд тенге (на 265,7%), в Астане с 251,6 млрд до 516,7 млрд тенге (на 105,3%). В 2024 году доля Алматы в национальном показателе составила 43,3%, доля Астаны 33,4%.

Годовой ряд уточняет хронологию. До 2022 года лидировала Астана. В 2020 году ее креативный сектор оценивался в 225,3 млрд тенге против 188,1 млрд в Алматы, в 2021 году соотношение составило 288,4 млрд против 248,6 млрд тенге. Алматы впервые опередил столицу в 2022 году (337,2 млрд против 334,3 млрд тенге), а в 2023 году разрыв стал значительным (462,5 млрд против 333,3 млрд тенге). Ускорение обеспечил блок информационных технологий, добавленная стоимость которого в Алматы выросла со 102,5 млрд тенге в 2021 году до 397,1 млрд в 2024 году, что дало около 70% всего прироста креативного сектора города. Рост совпал с притоком ИТ-компаний в 2022 году, когда о намерении работать в Казахстане заявили более 100 зарубежных компаний [33].

Сопоставление с размером городских экономик дает иную картину. В 2024 году креативный сектор обеспечил 1,13% ВВП страны, 2,14% валового регионального продукта Алматы и 3,44% валового регионального продукта Астаны [6; 16]. Коэффициент локализации составил 1,9 для Алматы и 3,0 для Астаны (таблица 1). Столица уступает Алматы по объему, но сильнее специализирована на креативной деятельности. Фактическая доля Алматы оказалась ниже плановой, поскольку план развития предусматривал ее рост до 2,4% в 2024 году и до 2,7% в 2025 году [12].

Таблица 1 – Креативная валовая добавленная стоимость Казахстана, Алматы и Астаны в 2018–2024 годах

Территория	ВДС 2018, млрд тг	ВДС 2021, млрд тг	ВДС 2024, млрд тг	Рост 2018–2024, %	Доля в ВДС страны 2024, %	Доля в ВРП 2024, %	Коэффициент локализации
Казахстан	594,5	768,2	1 548,3	160,4	100,0	1,13	1,0
Астана	251,6	288,4	516,7	105,3	33,4	3,44	3,0
Алматы	183,2	248,6	669,8	265,7	43,3	2,14	1,9

Примечание – Рассчитано автором по данным Бюро национальной статистики [6; 16]. Для Казахстана в графе «Доля в ВРП» приведена доля в ВВП.

Секторная структура городов различается. В Алматы на информационные технологии и геймдевелопмент в 2024 году пришлось 59,3% креативной добавленной стоимости, на архитектуру и дизайн 14,9%, а в группе кино и анимации город создает 80,1% национальной добавленной стоимости. Профиль Астаны диверсифицирован. Информационные технологии дали 36,1% креативной добавленной стоимости столицы, архитектура и дизайн 22,0%, организация конференций и выставок 18,3%, производство телевизионных программ 11,2% [6].

Программный контур Алматы

Алматы закрепил креативные индустрии в плане развития на 2021–2025 годы отдельной целью с количественным индикатором. Доля креативных индустрий в валовом региональном продукте должна была вырасти с 1,6% в 2021 году до 2,7% в 2025 году [12]. На достижение цели план предусматривал 217,2 млн тенге в 2021 году, 19,9 млрд тенге в 2023 году и 15,2 млрд тенге в 2024 году, причем в двух последних суммах по 10 млрд тенге составляли внебюджетные средства. Среди запланированных мер названы городской венчурный фонд, ежегодный форум Creative Central Asia, 3 креативных хаба и 2 студии видео- и звукозаписи, креативный кластер Depo Art and Science Center, ИТ-хаб Almaty Digital City площадью до 15 тыс. м^2 и краудфандинговая платформа «Креативный город».

Параллельно город создал организационную инфраструктуру. В январе 2021 года маслихат поддержал образование коммунального государственного учреждения «Управление креативных индустрий города Алматы» [34]. В проекте бюджета на 2023 год на создание интегратора сектора, товарищества Almaty Creative, было предусмотрено 459 млн тенге [35]. Центр развития креативных индустрий Almaty Creative стал специализированным оператором городской политики, который ведет инструменты поддержки и связывает акимат с предпринимателями, хабами и университетами. Ответственным за целевой индикатор плана определено Управление предпринимательства и инвестиций [12], то есть креативная политика встроена в экономический блок акимата.

Финансовый контур формировался поэтапно. В 2022 году акимат заявил о намерении направить на венчурный фонд креативных индустрий 20 млрд тенге [35]. В бюджете Алматы на 2025 год предусмотрена отдельная программа по развитию креативной индустрии, созданию условий и инфраструктуры креативных пространств на сумму 647 020,0 тыс. тенге [15]. В октябре 2025 года центр Almaty Creative, Freedom Holding Corp. и VPE Capital Fund Management Limited подписали соглашение о создании городского фонда прямых инвестиций Creative Capital Fund капитализацией 21 млрд тенге, из которых 10 млрд предоставляет городской бюджет, а 11 млрд частные и иностранные инвесторы [36]. Фонд создан на площадке Международного финансового центра «Астана», рассчитан на 10 лет и ориентирован на кино и анимацию, музыку, ИТ и геймдевелопмент, архитектуру, дизайн и цифровые медиа. Соединение бюджетного, частного и иностранного капитала в одном городском механизме служит наиболее наглядным примером агрегирования ресурсов.

В совокупности Алматы задействует все функции посредника. Индикатор плана закрепляет приоритет, управление и оператор обеспечивают координацию, хабы и кластер Depo создают пространство, бюджетная программа и фонд образуют финансовый контур, а форумы ведут медиацию интересов. Контур сложился за 2021–2025 годы, раньше, чем полномочия акиматов в этой сфере были закреплены законом.

Событийно-платформенный контур Астаны

План развития Астаны на 2021–2025 годы относит креативные сектора к приоритетным отраслям и отмечает, что в городе «складывается кластер креативной экономики» вокруг новых университетов и образовательных центров [13]. Отдельной цели, количественного индикатора и строки финансирования для креативных индустрий в плане нет. План на 2026–2030 годы понятие креативных индустрий уже не использует, событийную деятельность он относит к туристскому и деловому кластеру, а цифровые компании к финтех-кластеру на базе Astana Hub [14]. Креативная повестка столицы распределена, следовательно, между туризмом, образованием и ИТ.

Наиболее заметная часть столичной модели связана с событиями. По данным акимата, в 2024 году в Астане прошло 168 мероприятий международного уровня, а число туристов выросло на 14% и достигло 1,5 млн человек [37]. Городская инфраструктура для креативной деятельности развивалась через учреждения культуры. В 2023 году 4 библиотеки столицы были переведены в формат коворкинг-центров, а к началу 2026 года число городских библиотек выросло с 18 до 25 [38].

Крупные креативные площадки столицы созданы при участии республиканских органов и университетов. Хаб ÓzgeEpic открыт в июле 2024 года по поручению Главы государства при участии Министерства культуры и информации и акима города [39]. В апреле 2026 года в Астане открылся офис Фонда развития креативных индустрий, который будет координировать региональные хабы [40].

Функции посредника в Астане распределены неравномерно. Город уверенно переводит общие цели в язык имиджа, туризма и событий и ведет медиацию через фестивали и площадки. Агрегирование ресурсов в отдельный отраслевой контур выражено слабо, поскольку у акимата нет специализированного оператора, бюджетной программы и фонда для креативного сектора.

Сопоставление институциональной плотности

Итоговые значения IMKC составили 5,0 для Алматы и 3,0 для Астаны (таблица 2). Различие сосредоточено в признаках стратегического закрепления, оператора и финансовых инструментов.

Таблица 2 – Диагностический индекс муниципальной креативной кластеризации (IMKC) Алматы и Астаны

Город	**S**	**I**	**O**	**F**	**M**	**IMKC**
Алматы	1	1	1	1	1	5,0
Астана	0,5	1	0,5	0	1	3,0

Примечание – Значение 1 соответствует зрелому формально закрепленному инструменту, 0,5 частичному присутствию, 0 отсутствию инструмента. Источники кодирования для Алматы [12; 15; 34; 35; 36], для Астаны [13; 14; 37; 38; 39].

Спорными являются оценки S и O для Астаны. Если засчитать упоминание кластера креативной экономики в плане на 2021–2025 годы как полноценное закрепление, индекс столицы вырастет до 3,5. Если считать хаб ÓzgeEpic городским оператором, индекс также составит 3,5, а при обоих допущениях 4,0. Во всех вариантах сохраняется главное различие. У Астаны нет собственного финансового инструмента для креативного сектора, и разрыв с Алматы определяется прежде всего признаками O и F.

Проверка гипотез опирается на хронологию. В 2020–2021 годах, когда Алматы создавал профильное управление и закладывал в план индикатор, фонд и хабы, креативный сектор Астаны был крупнее (288,4 млрд против 248,6 млрд тенге в 2021 году) и занимал большую долю национального показателя (37,5% против 32,4%) [6]. Если бы плотность инструментов следовала за экономическим весом сектора, более плотный контур выстроила бы Астана. Наблюдается обратное, и первая гипотеза для рассмотренных кейсов отклоняется. Вторая гипотеза выдерживает проверку, поскольку различие в плотности инструментов возникло раньше различия в объеме сектора.

Сравнение при этом не дает оснований утверждать, что городская политика вызвала рост креативного сектора Алматы. Около 70% прироста за 2021–2024 годы дала разработка программного обеспечения, на которую повлияли приток ИТ-компаний и общенациональные меры поддержки цифровой отрасли. Институциональная плотность является самостоятельной характеристикой городской политики, которая зависит от управленческого выбора и не выводится из размера сектора.

Обсуждение

Почему столица с более специализированным креативным сектором не создала собственного оператора и фонда? Вероятное объяснение связано с распределением ролей внутри государственной вертикали. В Астане сосредоточены Министерство культуры и информации, республиканские медиа, Astana Hub, ведущие университеты и Фонд развития креативных индустрий, поэтому функции метауправления здесь в значительной мере выполняет центр, а акимат дополняет их событийной и инфраструктурной политикой. В Алматы республиканских институтов такого профиля меньше, и акимат взял координацию сектора на себя. Различие моделей выражает, следовательно, разделение труда между городом и центром.

Следует учитывать и структурные факторы. Алматы десятилетиями был деловым и финансовым центром страны, где накапливались человеческий капитал и агломерационные преимущества, и часть его лидерства по объему представляет собой наследие, которое городская политика использовала, но не создала. Сам выбор инструментов, тем не менее, носит политический характер. Язык креативного города пришел в оба города через международные форумы и экспертов [28], однако наполнение его конкретными инструментами определили местные решения.

Закон № 266-VIII ЗРК придает различиям новую перспективу. Местные исполнительные органы получили полномочие создавать условия для развития талантов через предпринимательство в сфере креативных индустрий, а уполномоченный орган получил право вести реестр субъектов и отслеживать привлечение частных инвестиций в проекты с государственным софинансированием [5]. Полномочие, которое Алматы фактически использовал с 2021 года, стало общей нормой для всех акиматов, а городские инструменты встраиваются в общенациональную систему поддержки.

Опыт Алматы и Астаны важен для регионов, где Фонд развития креативных индустрий должен координировать создаваемые хабы [40]. Исследование Караганды свидетельствует, что вне крупнейших городов креативная политика сталкивается со слабостью гражданского общества и зависимостью от централизованных решений [41]. Сравнение позволяет выдвинуть гипотезу для проверки на региональных примерах. Переход от событийной поддержки к кластерной политике, по-видимому, требует прежде всего специализированного оператора и собственного финансового инструмента, поскольку именно эти признаки разделяют рассмотренные города. Для теории метауправления казахстанский кейс означает, что и в тени иерархии город сохраняет пространство выбора, которое касается набора инструментов, тогда как направление политики задает центр.

У исследования есть ограничения. Сравнение городов одной страны обеспечивает строгость, но не позволяет переносить выводы за пределы Казахстана. Кодирование выполнено одним исследователем, хотя открытая кодовая книга и проверка чувствительности снижают риск субъективных оценок. Смена перечня видов креативной деятельности в 2025 году прерывает сопоставимость рядов, поэтому оценка эффекта новых инструментов, включая Creative Capital Fund, остается задачей последующих исследований.

Заключение

Креативная экономика Казахстана сосредоточена в Алматы и Астане, и национальная повестка развития сектора реализуется прежде всего через городскую политику. В условиях неполной децентрализации акимат действует как институциональный посредник, который агрегирует ресурсы, переводит национальные цели в городские индикаторы и выстраивает каналы связи между государственными органами, бизнесом и университетами. Алматы выстроил программный контур с плановым индикатором, профильным управлением, оператором, бюджетной программой и фондом (IMKC 5,0). Астана развивает событийно-платформенный контур, опираясь на туризм, обновленные библиотеки, университетские и республиканские площадки (IMKC 3,0).

Главный вывод касается природы различия между двумя крупнейшими городами Казахстана. В 2021 году креативный сектор Астаны был крупнее алматинского, однако более плотный контур создал Алматы. Институциональная плотность городской политики не выводится из экономического веса сектора и зависит от управленческого выбора акимата и распределения ролей между городом и центром. Для политологической теории вывод уточняет применимость концепции метауправления к «постсоветскому» городу.

Практическое значение работы связано с созданием центров креативной индустрии в регионах. Опыт Алматы позволяет предположить, что подобный центр становится узлом кластерной политики, когда за ним стоят оператор с ясным мандатом, закрепленный в плане индикатор и финансовый инструмент. Изучение того, как регионы используют полномочие, закрепленное за акиматами Законом № 266-VIII ЗРК, представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Список литературы

1 Концепцию развития креативных отраслей разработают в Казахстане. (2025, 18 марта). *24.kz*. https://24.kz/ru/news/social/700189-kontseptsiyu-razvitiya-kreativnykh-otraslej-razrabotayut-v-kazakhstane

2 Правительство Республики Казахстан. (2021, 30 ноября). *Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021–2025 годы* (Постановление № 860). Әділет. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860

3 Правительство Республики Казахстан. (2023, 6 июня). *Об утверждении перечня видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии* (Постановление № 448; утратило силу). Әділет. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000448

4 Министр культуры и информации Республики Казахстан. (2025, 20 октября). *Об утверждении перечня видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии* (Приказ № 572-НҚ). Параграф. https://prg.kz/m/amp/document/37407968

5 Республика Казахстан. (2026, 18 февраля). *О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам поддержки и развития креативных индустрий* (Закон № 266-VIII ЗРК). Әділет. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000266

6 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 16 октября). *Валовая добавленная стоимость видов экономической деятельности, относящихся к креативной индустрии: Динамические таблицы за 2018–2025 годы*. https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/dynamic-tables/

7 Pachucki-Włosek, K. (2024). The present and future of local self-government in the Republic of Kazakhstan. *Polish Political Science Yearbook, 53*(2), 45–58. https://doi.org/10.15804/ppsy202415

8 Abdullayev, A., Kadyrova, M., & Uvaisova, S. (2026). Transformation of local self-governance and the impact of oil prices on regional development in Kazakhstan. *Frontiers in Political Science, 8*, Article 1801400. https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1801400

9 Kim, S., & Comunian, R. (2022). Arts and the city in post-Soviet contexts: Policy pathways and interventions in urban cultural development in Kazakhstan. *Journal of Urban Affairs, 44*(4–5), 640–658. https://doi.org/10.1080/07352166.2020.1825091

10 Kim, S., & Comunian, R. (2024). Higher education and sustainable creative cities: The development of creative and cultural ecosystems in the (new) capital city of Kazakhstan. *Industry and Higher Education, 38*(1), 51–63. https://doi.org/10.1177/09504222231222258

11 Токаев, К.-Ж. (2023, 1 сентября). *Экономический курс Справедливого Казахстана: Послание Главы государства народу Казахстана*. Ақорда. https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588

12 *План развития города Алматы на 2021–2025 годы* (с изменениями от 9 декабря 2022 г.). (2021, 15 января). Приложение к решению маслихата города Алматы № 5. https://www.gov.kz/uploads/2023/1/12/11fe6e6a80b80f7a894a58d876523dfd_original.1289333.pdf

13 *План развития города Астаны на 2021–2025 годы*. (2023, 14 декабря). Приложение к решению маслихата города Астаны № 114/15-VIII. https://www.gov.kz/uploads/2023/12/26/a414b5570f2515ca37b9d89762019f7c_original.232043.docx

14 *План развития города Астаны на 2026–2030 годы*. (2025, 12 декабря). Приложение к решению маслихата города Астаны № 351/47-VIII. https://www.gov.kz/uploads/2025/12/22/0e5576cce1dd20a81765250458ab7dc1_original.610816.doc

15 Маслихат города Алматы. (2024, 6 декабря). *О бюджете города Алматы на 2025–2027 годы* (Решение № 183). Параграф. https://prg.kz/m/amp/document/34245603/

16 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2025, 22 августа). *Валовой региональный продукт Республики Казахстан за 2024 год*. https://stat.gov.kz/ru/news/valovoy-regionalnyy-produkt-respubliki-kazakhstan-za-2024-/

17 Pratt, A. C. (2004). Creative clusters: Towards the governance of the creative industries production system? *Media International Australia, 112*(1), 50–66. https://doi.org/10.1177/1329878X0411200106

18 Stryjakiewicz, T., Męczyński, M., & Stachowiak, K. (2014). Role of creative industries in the post-socialist urban transformation. *Quaestiones Geographicae, 33*(2), 19–35. https://doi.org/10.2478/quageo-2014-0013

19 Turgel, I. D., Bozhko, L. L., & Pandzhiyeva, V. T. (2020). Cluster policies of large cities in Russia and Kazakhstan. *R-Economy, 6*(1), 28–39. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.1.003

20 Zhuparova, A. S., & Kozhakhmetova, A. K. (2021). Creative industries in developing countries: Experience of Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*, (4), 100–110. https://doi.org/10.52821/2789-4401-2021-4-100-110

21 Doszhan, R., Nussyupayeva, A., Baimakhambetova, G., Ashirbekova, L., & Bilan, Y. (2022). Qualitative assessment of the development of creative industries in emerging countries: The case of Kazakhstan. *Problems and Perspectives in Management, 20*(3), 350–361. https://doi.org/10.21511/ppm.20(3).2022.28

22 Хусаинова, Ж. С., Асанова, М. К., Бектлеева, Д. Е., Абауова, Г. М., & Канкулов, М. К. (2023). Институциональное обеспечение функционирования креативной экономики в Казахстане. *Экономика и предпринимательство*, (8[157]), 96–102. https://doi.org/10.34925/eip.2023.157.8.013

23 Abdrakhmanov, M., Urankhayeva, G., Nurekeshov, T., Maishekina, E., & Myrzatayev, N. (2025). The status of local representative bodies in Kazakhstan and other post-Soviet countries that stepped on the path to decentralization: A comparative analysis. *Lex Localis—Journal of Local Self-Government, 23*(10), 1405–1425. https://doi.org/10.52152/801452

24 Zhumashov, Y. (2023). An exploration of vertical and social accountability in the elected tier of local government: Evidence from Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies, 14*(2), 179–193. https://doi.org/10.1177/18793665221129881

25 Sadiyeva, S. (2026). Subnational executive elections in Kazakhstan: Administrative ritual or step toward liberalization? In S. Janenova & G. Makulbayeva (Eds.), *Public sector reforms in Kazakhstan* (pp. 49–68). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-95-4656-5_3

26 Harvey, D. (1989). From managerialism to entrepreneurialism: The transformation in urban governance in late capitalism. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography, 71*(1), 3–17. https://doi.org/10.1080/04353684.1989.11879583

27 McFarlane, C. (2011). Assemblage and critical urbanism. *City, 15*(2), 204–224. https://doi.org/10.1080/13604813.2011.568715

28 McCann, E. (2011). Urban policy mobilities and global circuits of knowledge: Toward a research agenda. *Annals of the Association of American Geographers, 101*(1), 107–130. https://doi.org/10.1080/00045608.2010.520219

29 Jessop, B. (1998). The rise of governance and the risks of failure: The case of economic development. *International Social Science Journal, 50*(155), 29–45. https://doi.org/10.1111/1468-2451.00107

30 Sørensen, E., & Torfing, J. (2009). Making governance networks effective and democratic through metagovernance. *Public Administration, 87*(2), 234–258. https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2009.01753.x

31 Whitehead, M. (2003). "In the shadow of hierarchy": Meta-governance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands. *Area, 35*(1), 6–14. https://doi.org/10.1111/1475-4762.00105

32 Kromidha, E., Altinay, L., & Arıcı, H. E. (2024). The influence of politics on the governance of an entrepreneurial ecosystem in a developing country: A generative institutional discourse approach. *Entrepreneurship & Regional Development, 36*(9–10), 1257–1274. https://doi.org/10.1080/08985626.2024.2327050

33 Более сотни иностранных ИТ-компаний решили начать работать в Казахстане в этом году. (2022, 14 октября). *Digital Business*. https://digitalbusiness.kz/2022-10-14/bolee-sotni-inostrannyh-it-kompanij-reshili-nachat-rabotat-v-kazahstane-v-etom-godu/

34 В Алматы создадут Управление креативных индустрий. (2021, 29 января). *Kapital.kz*. https://kapital.kz/gosudarstvo/93027/v-almaty-sozdadut-upravleniye-kreativnykh-industriy.html

35 Акиму Досаеву нужны 20 млрд тенге для венчуров. Что сказали в акимате. (2022, 23 декабря). *BES.media*. https://bes.media/amp/akimu-dosaevu-nuzhny-20-mlrd-tenge-dlya-venchurov.-chto-skazali-v-akimate-436/

36 В Алматы запустили Creative Capital Fund. (2025, 13 октября). *Kapital.kz*. https://kapital.kz/finance/141428/v-almaty-zapustili-creative-capital-fund.html

37 1,5 млн туристов посетили Астану в прошлом году. (2025, 12 марта). *24.kz*. https://www.24.kz/ru/news/social/699032-1-5-mln-turistov-posetili-astanu-v-proshlom-godu

38 Библиотеки Астаны становятся площадкой творчества. (2026, 5 января). *24.kz*. https://24.kz/ru/news/social/748004-biblioteki-astany-stanovyatsya-ploshchadkoj-tvorchestva

39 Креативный хаб открыли в Астане. (2024, 17 июля). *Zakon.kz*. https://www.zakon.kz/sobytiia/6441875-kreativnyy-khab-otkryli-v-astane.html

40 Глава государства посетил офис Фонда развития креативных индустрий. (2026, 25 апреля). *Kapital.kz*. https://kapital.kz/gosudarstvo/147382/glava-gosudarstva-posetil-ofis-fonda-razvitiya-kreativnyh-industrij.html

41 Stanciu, N. (2020). Creative wealth in the middle of nowhere: Karaganda's struggle for modernization. *Zeitschrift für Kulturmanagement und Kulturpolitik, 6*(1), 101–120. https://doi.org/10.14361/zkmm-2020-0106

Transliteration

1 Kontseptsiyu razvitiya kreativnykh otrasley razrabotayut v Kazakhstane [A concept for the development of creative industries will be developed in Kazakhstan]. (2025, March 18). 24.kz. https://24.kz/ru/news/social/700189-kontseptsiyu-razvitiya-kreativnykh-otraslej-razrabotayut-v-kazakhstane (In Russian)

2 Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2021, November 30). Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya kreativnykh industriy na 2021–2025 gody [On approval of the Concept for the Development of Creative Industries for 2021–2025] (Resolution No. 860). Adilet. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860 (In Russian)

3 Pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan. (2023, June 6). Ob utverzhdenii perechnya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti, otnosyashchikhsya k kreativnoy industrii [On approval of the list of economic activities classified as creative industries] (Resolution No. 448; repealed). Adilet. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000448 (In Russian)

4 Ministr kul'tury i informatsii Respubliki Kazakhstan. (2025, October 20). Ob utverzhdenii perechnya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti, otnosyashchikhsya k kreativnoy industrii [On approval of the list of economic activities classified as creative industries] (Order No. 572-NQ). Paragraf. https://prg.kz/m/amp/document/37407968 (In Russian)

5 Respublika Kazakhstan. (2026, February 18). O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotoryye zakonodatel'nyye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam podderzhki i razvitiya kreativnykh industriy [On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan concerning the support and development of creative industries] (Law No. 266-VIII ZRK). Adilet. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000266 (In Russian)

6 Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (2026, October 16). Valovaya dobavlennaya stoimost' vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti, otnosyashchikhsya k kreativnoy industrii: Dinamicheskiye tablitsy za 2018–2025 gody [Gross value added of economic activities classified as creative industries: Dynamic tables for 2018–2025]. https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/dynamic-tables/ (In Russian)

7 Pachucki-Włosek, K. (2024). The present and future of local self-government in the Republic of Kazakhstan. Polish Political Science Yearbook, 53(2), 45–58. https://doi.org/10.15804/ppsy202415

8 Abdullayev, A., Kadyrova, M., & Uvaisova, S. (2026). Transformation of local self-governance and the impact of oil prices on regional development in Kazakhstan. Frontiers in Political Science, 8, Article 1801400. https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1801400

9 Kim, S., & Comunian, R. (2022). Arts and the city in post-Soviet contexts: Policy pathways and interventions in urban cultural development in Kazakhstan. Journal of Urban Affairs, 44(4–5), 640–658. https://doi.org/10.1080/07352166.2020.1825091

10 Kim, S., & Comunian, R. (2024). Higher education and sustainable creative cities: The development of creative and cultural ecosystems in the (new) capital city of Kazakhstan. Industry and Higher Education, 38(1), 51–63. https://doi.org/10.1177/09504222231222258

11 Tokayev, K.-Zh. (2023, September 1). Ekonomicheskiy kurs Spravedlivogo Kazakhstana: Poslaniye Glavy gosudarstva narodu Kazakhstana [The economic course of a Just Kazakhstan: Address of the Head of State to the people of Kazakhstan]. Aqorda. https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588 (In Russian)

12 Plan razvitiya goroda Almaty na 2021–2025 gody (s izmeneniyami ot 9 dekabrya 2022 g.) [Development plan of the city of Almaty for 2021–2025, as amended on December 9, 2022]. (2021, January 15). Appendix to Resolution No. 5 of the Almaty City Maslikhat. https://www.gov.kz/uploads/2023/1/12/11fe6e6a80b80f7a894a58d876523dfd_original.1289333.pdf (In Russian)

13 Plan razvitiya goroda Astany na 2021–2025 gody [Development plan of the city of Astana for 2021–2025]. (2023, December 14). Appendix to Resolution No. 114/15-VIII of the Astana City Maslikhat. https://www.gov.kz/uploads/2023/12/26/a414b5570f2515ca37b9d89762019f7c_original.232043.docx (In Russian)

14 Plan razvitiya goroda Astany na 2026–2030 gody [Development plan of the city of Astana for 2026–2030]. (2025, December 12). Appendix to Resolution No. 351/47-VIII of the Astana City Maslikhat. https://www.gov.kz/uploads/2025/12/22/0e5576cce1dd20a81765250458ab7dc1_original.610816.doc (In Russian)

15 Maslikhat goroda Almaty. (2024, December 6). O byudzhete goroda Almaty na 2025–2027 gody [On the budget of the city of Almaty for 2025–2027] (Resolution No. 183). Paragraf. https://prg.kz/m/amp/document/34245603/ (In Russian)

16 Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (2025, August 22). Valovoy regional'nyy produkt Respubliki Kazakhstan za 2024 god [Gross regional product of the Republic of Kazakhstan for 2024]. https://stat.gov.kz/ru/news/valovoy-regionalnyy-produkt-respubliki-kazakhstan-za-2024-/ (In Russian)

17 Pratt, A. C. (2004). Creative clusters: Towards the governance of the creative industries production system? Media International Australia, 112(1), 50–66. https://doi.org/10.1177/1329878X0411200106

18 Stryjakiewicz, T., Męczyński, M., & Stachowiak, K. (2014). Role of creative industries in the post-socialist urban transformation. Quaestiones Geographicae, 33(2), 19–35. https://doi.org/10.2478/quageo-2014-0013

19 Turgel, I. D., Bozhko, L. L., & Pandzhiyeva, V. T. (2020). Cluster policies of large cities in Russia and Kazakhstan. R-Economy, 6(1), 28–39. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.1.003

20 Zhuparova, A. S., & Kozhakhmetova, A. K. (2021). Creative industries in developing countries: Experience of Kazakhstan. Central Asian Economic Review, (4), 100–110. https://doi.org/10.52821/2789-4401-2021-4-100-110

21 Doszhan, R., Nussyupayeva, A., Baimakhambetova, G., Ashirbekova, L., & Bilan, Y. (2022). Qualitative assessment of the development of creative industries in emerging countries: The case of Kazakhstan. Problems and Perspectives in Management, 20(3), 350–361. https://doi.org/10.21511/ppm.20(3).2022.28

22 Khusainova, Zh. S., Asanova, M. K., Bekteleyeva, D. Ye., Abauova, G. M., & Kankulov, M. K. (2023). Institutsional'noye obespecheniye funktsionirovaniya kreativnoy ekonomiki v Kazakhstane [Institutional support for the functioning of the creative economy in Kazakhstan]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, (8[157]), 96–102. https://doi.org/10.34925/eip.2023.157.8.013 (In Russian)

23 Abdrakhmanov, M., Urankhayeva, G., Nurekeshov, T., Maishekina, E., & Myrzatayev, N. (2025). The status of local representative bodies in Kazakhstan and other post-Soviet countries that stepped on the path to decentralization: A comparative analysis. Lex Localis—Journal of Local Self-Government, 23(10), 1405–1425. https://doi.org/10.52152/801452

24 Zhumashov, Y. (2023). An exploration of vertical and social accountability in the elected tier of local government: Evidence from Kazakhstan. Journal of Eurasian Studies, 14(2), 179–193. https://doi.org/10.1177/18793665221129881

25 Sadiyeva, S. (2026). Subnational executive elections in Kazakhstan: Administrative ritual or step toward liberalization? In S. Janenova & G. Makulbayeva (Eds.), Public sector reforms in Kazakhstan (pp. 49–68). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-95-4656-5_3

26 Harvey, D. (1989). From managerialism to entrepreneurialism: The transformation in urban governance in late capitalism. Geografiska Annaler: Series B, Human Geography, 71(1), 3–17. https://doi.org/10.1080/04353684.1989.11879583

27 McFarlane, C. (2011). Assemblage and critical urbanism. City, 15(2), 204–224. https://doi.org/10.1080/13604813.2011.568715

28 McCann, E. (2011). Urban policy mobilities and global circuits of knowledge: Toward a research agenda. Annals of the Association of American Geographers, 101(1), 107–130. https://doi.org/10.1080/00045608.2010.520219

29 Jessop, B. (1998). The rise of governance and the risks of failure: The case of economic development. International Social Science Journal, 50(155), 29–45. https://doi.org/10.1111/1468-2451.00107

30 Sørensen, E., & Torfing, J. (2009). Making governance networks effective and democratic through metagovernance. Public Administration, 87(2), 234–258. https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2009.01753.x

31 Whitehead, M. (2003). "In the shadow of hierarchy": Meta-governance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands. Area, 35(1), 6–14. https://doi.org/10.1111/1475-4762.00105

32 Kromidha, E., Altinay, L., & Arıcı, H. E. (2024). The influence of politics on the governance of an entrepreneurial ecosystem in a developing country: A generative institutional discourse approach. Entrepreneurship & Regional Development, 36(9–10), 1257–1274. https://doi.org/10.1080/08985626.2024.2327050

33 Boleye sotni inostrannykh IT-kompaniy reshili nachat' rabotat' v Kazakhstane v etom godu [More than a hundred foreign IT companies decided to start operating in Kazakhstan this year]. (2022, October 14). Digital Business. https://digitalbusiness.kz/2022-10-14/bolee-sotni-inostrannyh-it-kompanij-reshili-nachat-rabotat-v-kazakhstane-v-etom-godu/ (In Russian)

34 V Almaty sozdadut Upravleniye kreativnykh industriy [A Creative Industries Department will be established in Almaty]. (2021, January 29). Kapital.kz. https://kapital.kz/gosudarstvo/93027/v-almaty-sozdadut-upravleniye-kreativnykh-industriy.html (In Russian)

35 Akimu Dosayevu nuzhny 20 mlrd tenge dlya venchurov. Chto skazali v akimate [Mayor Dosayev needs 20 billion tenge for venture capital. What the city administration said]. (2022, December 23). BES.media. https://bes.media/amp/akimu-dosaevu-nuzhny-20-mlrd-tenge-dlya-venchurov.-chto-skazali-v-akimate-436/ (In Russian)

36 V Almaty zapustili Creative Capital Fund [Creative Capital Fund launched in Almaty]. (2025, October 13). Kapital.kz. https://kapital.kz/finance/141428/v-almaty-zapustili-creative-capital-fund.html (In Russian)

37 1,5 mln turistov posetili Astanu v proshlom godu [1.5 million tourists visited Astana last year]. (2025, March 12). 24.kz. https://www.24.kz/ru/news/social/699032-1-5-mln-turistov-posetili-astanu-v-proshlom-godu (In Russian)

38 Biblioteki Astany stanovyatsya ploshchadkoy tvorchestva [Astana libraries are becoming creative spaces]. (2026, January 5). 24.kz. https://24.kz/ru/news/social/748004-biblioteki-astany-stanovyatsya-ploshchadkoj-tvorchestva (In Russian)

39 Kreativnyy khab otkryli v Astane [A creative hub opened in Astana]. (2024, July 17). Zakon.kz. https://www.zakon.kz/sobytiia/6441875-kreativnyy-khab-otkryli-v-astane.html (In Russian)

40 Glava gosudarstva posetil ofis Fonda razvitiya kreativnykh industriy [The Head of State visited the office of the Creative Industries Development Fund]. (2026, April 25). Kapital.kz. https://kapital.kz/gosudarstvo/147382/glava-gosudarstva-posetil-ofis-fonda-razvitiya-kreativnyh-industrij.html (In Russian)

41 Stanciu, N. (2020). Creative wealth in the middle of nowhere: Karaganda's struggle for modernization. Zeitschrift für Kulturmanagement und Kulturpolitik, 6(1), 101–120. https://doi.org/10.14361/zkmm-2020-0106

СВЕДЕНИЕ ОБ АВТОРЕ

Бахытжан Сагитжанович Бухарбаев	руководитель издательства «AmalBooks», PhD докторант, Евразийский нацинальный университет имени Л.Н.Гумилева, email: teriskakpai@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-4897-401X
Бақытжан Сағытжанұлы Бұқарбай	«AmalBooks» баспасының жетекшісі, PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, email: teriskakpai@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-4897-401X
Bakhytzhan Bukharbayev	Head of the «AmalBooks» Publishing House, PhD Student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, email: teriskakpai@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-4897-401X